

«Они сделали солдат оккупантами в собственной стране»

Наверное, многих, как и меня, мучает мысль — как становятся жестокими 18—19-летние парни, солдаты с автоматами, направленными против мирных людей, своих же сограждан? Задают ли они сами себе вопрос — против кого направляют оружие?

И вот известие — в Степанакерте (областном центре Нагорного Карабаха) доведенная до крайности группа курсантов объявила голодовку. Так они выразили протест против пребывания в Арцахе (Нагорный Карабах), против действий, противоречащих их совести. И тогда, на следующий день, без промедления их вывели из области, дабы их протест не перекинулся и в другие подразделения.

Вообще любое воинское подразделение, любая воинская часть дислоцируется в Карабахе очень недолго, чтобы солдаты не успели разобраться в ситуации и сделать из нее собственные выводы. И не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что армия в Арцахе используется не для поддержания мира, а для угнетения и порабощения армянского населения Арцаха (конечно, с ведома центральных властей), за что и получают военные повышения в чинах, наподобие Сафонова и Поляничко, имеющих за спиной богатый афганский опыт подавления и раеправ.

И поэтому через каждые два-три месяца состав военнослужащих в Нагорном Карабахе частично или полностью меняется.

Иначе не удалось бы три года подряд держать в неведении весь советский народ, всю страну, искажать события, накладывать табу на

любое правдивое слово об этом регионе.

И как мне хотелось увидеть собственными глазами хотя бы одного солдата, решившегося восстать против навязанной ему жестокости, чтобы проверить — еще не все потеряно, что еще можно спасти честь советского воина.

И вот меня знакомят с девятнадцатилетним юношей, бывшим рядовым подразделения внутренних войск Александром Енчиным.

— Саша, где вы служили и как оказались в Нагорном Карабахе?

— Я украинец. С Украины был направлен в Вильнюс. Вильнюс был местом нашей постоянной дислокации — оперативных войск специального назначения. Эти оперативные отряды созданы для подавления массовых беспорядков и демонстраций. Для наведения так называемого порядка. Такого их специальное назначение.

Моя первая командировка из Вильнюса была в Ханлар (Ханлар — армянонаселенный город, центр одноименного армянонаселенного района равнинного Карабаха, включенного в состав Азербайджанской ССР). В Ханларе мы оставались с января по март. Оттуда нас перебросили в армянское село Камо. Когда мы туда приехали — меня поразила картина увиденного. Как такое возможно? Деревня как будто вымерла, в деревне не было ни одного жителя.

Как нам объяснили — мы заменяли какой-то полк, который уехал на отдых в место своей постоянной дислокации. Когда на смену отбывшим приехали мы, ар-

мян в селе уже не было. Дома стояли пустые, темные...

— Где же были жители этого армянского села?

— Этого мы не знали, нам сказали только, что их вывели. А куда и почему — не объяснили. Мечя сильно удивило то, что мне довелось увидеть. Впечатление было такое, будто здесь прошла эпидемия. Все вещи оставались на местах, а жителей не было. Вскоре в село стали приезжать азербайджанцы и заселяться в армянские дома, которые даром предоставляли им офицеры. Подкупая офицеров, они вывозили из армянских домов ценные вещи: холодильники, телевизоры, мебель и т. д. Офицеры им разрешали все. А вот армян пропустить в родную деревню мы не имели право.

— А как военные власти объяснили происходящее?

— Нам вообще ничего не объясняли, кроме того, что имеется приказ — азербайджанцев пропускать, а армян нет.

В марте из Камо на самолете нас опять доставили в Вильнюс, где мы несли охрану атомной станции. В июле нас перебросили в Степанакерт.

Как только мы приехали в Степанакерт — сразу начались антиармянская пропаганда и инструктаж. Нам говорили: армяне — сплошные уголовники, террористы, поголовные наркоманы и прочее. Каждый день до нас доводили ложную информацию о том, что армяне напали на тот или иной пост, бомбили тот или иной объект. Они всячески убеждали нас, старались вбить нам в голову свои рассказы. И наоборот, вопреки реальности в тече-

ние всего времени моего пребывания в Степанакерте, с июля до ноября, не было ни одного случая, чтобы нас информировали о нападениях, совершаемых азербайджанцами. Вся пропаганда была строго направлена против армян. Там я понял, что мы призваны только для того, чтобы охранять комендатуру особого района и прилегающие к ней здания.

— А кто должен был охранять мирных жителей? Ведь, судя по официальным сообщениям, именно для этого вы прибывали в Нагорный Карабах?

— Обеспечивать покой мирного населения у нас приказа не было. Не давали нам такого приказа. Но в Степанакерте я встретился со многими удивительными явлениями. Например, когда мы стояли на улице — армяне давали нам сигареты, виноград, хлеб, за которым сами стояли часами в очереди. Они делились с нами последней порцией своих детей, когда им самим нечего было есть. Ведь фактически там третий год идет война. А нам даже разговаривать с ними не разрешалось.

Все увиденное поразило меня. Надо быть последним человеком, чтобы после такого доброжелательного отношения армян к нам оставаться по отношению к ним теми, кем мы были. Войсковые подразделения были якобы введены в область для пресечения межнациональных столкновений. А на самом деле мы стояли с оружием в руках у комендатуры и всячески старались подчинить армян руководству Азербайджана, а также охранять комендатуру особого

района от нападений так называемых армянских экстремистов. Фактически наша армия выступает в Нагорном Карабахе в качестве армии оккупантской, а мы — в роли оккупантов.

По моему мнению, армия там вообще не нужна, совсем ни к чему. Наоборот, она еще больше накаляет страсти. Народ сам должен решать свои проблемы. Что войска там совсем не нужны — не только мое мнение. Когда мы стояли охраной у комендатуры особого района, слышали, как даже некоторые офицеры говорили об этом же между собой. Я сам слышал. Говорили, что войска тут абсолютно не нужны. Но, к сожалению, это — единственные случаи.

— Вседозволенность и безнаказанность солдат, по вашему мнению, санкционировалась свыше или они действовали по собственному почину?

— В моем сознании не укладывается — как можно варварски нападать на армянские семьи и под предлогом комендантского часа и проверки паспортов приносить людям столько несчастий, по своей доброй воле бить женщин и даже стариков? Ведь у всех нас есть матери. Не понимаю, как можно жарким летом в 9—10 часов вечера, когда на улицах еще совсем светло, не разрешать людям выходить из дому? Даже детям не разрешалось играть во дворе. Я думаю, как это может быть: например, я в своем родном городе не буду иметь права выйти на улицу?

Все это так, но ведь солдаты связаны присягой, в случае невыполнения приказа им грозит дисциплинарный батальон. И еще одно обстоятельство. Дело в том, что в операциях против армянского населения, в обысках, задержаниях и т. д. кроме внутренних войск участвовали еще роты специального назначения и наемники. Наемники — это отряд милиции особого назначения, которые служат по контракту и за это получают деньги. В Степанакерте вместе с нами

стоял и рижский ОМОН. Они приехали из Риги, но отряд состоял из людей разных национальностей. Ими руководит комендатура особого района в Степанакерте, и все свои операции они проводят по указу комендатуры.

— А вы когда-нибудь пытались поделить свои мысли с солдатами? Не задавали себе или им вопрос — против кого же и за что в конце концов вы воюете?

— В головах солдат на верное часто появлялись такие мысли. Но дело в том, что, если бы эти мысли дошли или были доведены до руководства, — неизвестно, что с нами бы стало. По головке бы нас не погладили. Конечно, боялись доноса. Кроме того, у нас контингент в полку, да и не только у нас, на 70 процентов состоял из мусульман. А когда мы выезжали из Вильнюса «в командировку», армян-солдат специально не взяли. Оставили в Вильнюсе.

— Скажите, что заставило вас после 1,5 года службы пойти на такой крайний шаг и фактически стать дезертиром?

— В Степанакерте я находился с июля до ноября 1990 года. Я видел всю эту несправедливость, видел, что говорят одно, а делают другое. Я ведь тоже человек, совесть мне не позволила дальше оставаться в той роли, которую я выполнял в НКАО. Я не хочу, чтобы мои дети плюнули на мою могилу и сказали, что я — оккупант. Ведь мне всего 19 лет, и вся жизнь еще впереди. Хочу честно смотреть в глаза своим детям. Я абсолютно сознательно пошел на этот крайний шаг. Ведь теперь я могу попасть в дисбат.

Что со мной будет и как сложится моя дальнейшая судьба — не знаю. Но против человека больше никогда не пойду. Это уж я точно знаю. Хотел бы, чтобы и другие последовали моему примеру...

Беседу вела
Джемма МУРАДЯН,
(Журнал «Столица», № 14,
1991 год).